

— Знай, что сердце мое полно чувств к тебе, дарю тебе две жемчужины. Чувствуя твою нежную привязанность, повязываю их на свой красный шелковый пояс. Мой дом — высокие терема, утопающие в садах, а мой супруг с алебардой в руках стоит на страже во дворце. Знаю, что помыслы твои чисты, как солнце и луна, и клянусь разделить с тобою жизнь и смерть. Возвращаю жемчужины, роняя две слезы: горько, что не встретились мы до того, как стала я женой другого...

Под одной и той же луной у каждого свои печали.

Лист бумаги с чернильными строками выскользнул из рук Гу Лихуа, легко кружась в воздухе, и опустился на землю.

— Хорошо, что ответила. Как же хорошо, что ответила...

Гу Лихуа издала горестный, холодный смешок. Ее тело, словно лишенное костей, обмякло, она пошатнулась и без сил рухнула на пол.

В ее дрожащих пальцах поблескивал жетон Черной Черепахи, отражая холодный, исполненный решимости взгляд.

На толстой потолочной балке затрепетала белая лента. Тусклый огонек лампы то вспыхивал, то гас, словно выжигая в ночной тьме зияющую дыру.

Ночь была холодна, как лед.

Внезапно поднялся вихрь, серебряный табурет опрокинулся, и вспыхнуло пламя. Языки огня, подобные разъяренному демону, устремились ввысь.

Когда весть о том, что Гу Лихуа сожгла себя заживо во дворце, дошла до Цзи Фаньинь, она как раз ухаживала за гвоздиками в саду.

Услышав это, она выронила садовую лопатку — та с лязгом ударилась о камни. Лицо девушки вмиг лишилось красок, она застыла, словно лишившись души, и не реагировала на оклики Хун Сяо.

— Фаньинь? Фаньинь!

Этот голос... почему он кажется таким знакомым?

Голос, донесшийся словно из-за далеких гор и морей, вырвал ее из пучины отчаяния. Озеро ее сердца, замершее, как Мертвое море, едва заметно всколыхнулось.

Рассеянный взгляд начал обретать ясность.

Перед глазами возникли четкие черты лица Лян Сесяо, и на глазах у Цзи Фаньинь выступили слезы.

Пересохшее горло сжалось, бледные губы, на которых не осталось ни капли крови, задрожали, и она прошептала:

— Это я погубила Гу Лихуа, это я загнала ее в угол. Все из-за меня, если бы не то ответное письмо...

Она обхватила ладонями заплаканное лицо, и раскаяние накрыло ее с головой.

Город Эрюн, небесная кара.

Тот, кто держит в руках обе части жетона, неминуемо навлечет на себя гнев небес. Не говоря уже об истощении государственных сил в войне, одного лишь страха перед небесной карой Лян Дицзюню было достаточно. Не зная, как отказать, он собрал своих детей, чтобы обсудить, как быть.

Тогда она легкомысленно улыбнулась, взяла кисть и набросала те стихи. И именно из-за них оборвалась жизнь, а часть дворца превратилась в пепел.

Девушка рыдала, и сердце Лян Сесяо словно стянуло Веревкой, Связывающей Бессмертных: ни вздохнуть, ни пошевелиться, такая боль пронзила его, что он едва не лишился чувств.

Он обнял хрупкую, словно лишенную костей, скорбящую девушку, прижал ее голову к своей груди и прошептал, дыша ей в макушку:

— Как у цветов есть свой цикл жизни, так и для нее этот выбор стал своего рода освобождением.

— Не нужно меня утешать...

— Это не утешение, — Лян Сесяо бесцеремонно прервал ее, нежно запуская пальцы в ее черные, как смоль, волосы. — Гу Лихуа по натуре была дерзкой и своенравной, никого не ставила в грош. В этот раз, прося отца выступить в поход, она напрочь забыла слова того старого мудреца. Если бы такая расточительная и лишенная способностей к управлению правительница вернула себе власть, для народа Пэнлая это стало бы настоящей бедой...

Он смотрел на ситуацию под разными углами и, проанализировав все за и против, подвел итог:

— Ее смерть была неизбежна.

— Но ведь она решила повеситься именно после того, как прочла мои стихи...

Его девушка опустила глаза, и на ее длинных ресницах дрожали слезинки. Она продолжала винить себя, считая, что именно ее письмо стало той последней каплей, что сломала хребет мулу.

— Ты перестанешь писать картины из-за того, что ухаживаешь за гвоздиками?

— Конечно, нет...

— Ответ очевиден.

— Но...

Все остальные слова утонули в долгом поцелуе.

Нежном и горячем, волнующем кровь. Казалось, нет в мире ничего прекраснее этого мгновения.

Забыв о печалях, Цзи Фаньинь медленно закрыла увлажненные слезами глаза. Ее тонкие, как ивовые ветви, руки обвились его шею, и она всей душой отдалась этому чудесному моменту.

Некоторые люди и события еще в самом начале обнаруживают истинный финал.

<http://bllate.org/book/25721/3075307>